

1863, № 36, 6 сент.

Литературная
РОССИЯ

9 сентября — 135-летие со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

Из
неопубликованной
Забитого

ТАЙНА ВЕЛИКОГО

А. И. Куприн о Л. Н. Толстом

Совсем недавно мне посчастливилось обнаружить в нашем областном архиве неизвестное до сих пор высказывание А. И. Куприна о Л. Н. Толстом.

В конце 1909 и в самом начале 1910 года А. И. Куприн жил в селе Даниловском, работало ему, как никогда, радостно и легко. Здесь были написаны рассказы «Бедный принц», очерк «Водолазы» (из серии «Листригоны»), переработан рассказ «Кляча». Это был период плодотворной творческой работы. Неспроста потом о подобных же случаях Куприн говорил: «Как в Даниловском».

В середине января по пути из Даниловского в Ригу, где находилась в то время его семья, Александр Иванович заехал в Петербург. Во время короткого пребывания писателя в столице петербургский корреспондент одной из саратовских газет взял у него интервью. «Беседа с А. И. Куприным» была напечатана 22 января 1910 года в «Саратовском листке». Интервью это скоро было забыто: до сих пор я не встречал о нем никаких упоминаний ни у исследователей творчества Куприна, ни у специалистов по Толстому. Привожу его полностью.

«Только что прибывший в Петербург писатель А. И. Куприн в беседе со мной сказал:

— Рвусь, — всем разумением и всеми помыслами сердца моего побывать у Толстого, у нашего дорогого старика. Но каждый раз волна незъяснимого страха отбрасывает меня, и я опускаю руки и говорю себе: «не смею». Я боюсь его. Ну, что я скажу ему? О чем спрошу? Он все знает. Глянет — и уж насквозь видит тебя. Вот это-то и страшно! Предстанешь перед ним, весь как есть... Нет, я еще не готов к этому! Помню, один только раз я его мельком видел, когда он всходил на палубу парохода¹, и этот

¹ Здесь А. И. Куприн говорит о своей первой встрече с Л. Н. Толстым на палубе парохода «Св. Николай», которая произошла 25 июня 1902 г. в Ялте: Толстой уезжал из Крыма после пребывания в Гаспре. Об этом эпизоде Куприн рассказывал в хорошо известной статье «О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай».

образ, светлый, лучистый, с тихой улыбкой мудреца, остался самым отрадным воспоминанием в моей жизни. И, кажется, донесу эту отраду до могилы и не решусь предстать перед его глазами. Страхусь!»

Вы знаете, за что я ни возьмусь — бросать должен: уже старик сделал. У него все есть. О наших людях скучно писать; их жизнь надуманная, сделанная и так же похожа на настоящую, как цветы из крашеной бумаги похожи на настоящие розы и лилии. Вот бы лошадей, собак, деревья. Это хорошо, это натурально! Но старик уже все здесь сделал. Весну, лес, горы, реки, лошадей, собак — он все описал, и так, что ни я, ни другой ничего уже не можем прибавить. Я пробовал — было в пику его Холостому написать своего Изумруда и должен был устыдиться. Бледно, чахло, в сравнении с его творением. Разве можно с ним состязаться? Чувствую, что если бы я родился сто лет спустя, — пожалуй, тогда я начал бы писать, тогда и на мою долю было бы что-нибудь новое из живой жизни. А теперь старик все забрал. Он ограбил всех нас. На сто лет ограбил...

Его язык! Он иногда неуклюжий, тяжелый и нещадно громоздит «что» на «что» и «который» на «который», но отойдите немного и гляньте на то, что вышло. Как циклопические постройки: красота их выступает только на расстоянии. В этом тайна великого! Но старик

¹ А. И. Куприн был неудовлетворен своей статьей о Толстом и 20 октября 1908 г. он писал Ф. Д. Батюшкову: «Теперь, издали, я вижу, что статья о Толстом из рук вон плоха. Ах, если бы было время еще переделать» (ИРЛИ). Не имея возможности переделать свое выступление о Толстом, Куприн, как видно, воспользовался беседой с корреспондентом провинциальной газеты для того, чтобы дополнить то, что было высказано в статье, раздвинуть ее рамки, обогатить содержание, дать более многогранный и более глубокий отзыв о творчестве Толстого.

умеет говорить и нежно. Он находит такие дивные, мягкие, трогающие выражения, как самые нежные, чарующие мелодии скрипки. И что ни скажет, то припечатано: уж иначе не назовешь, не придумаешь. Он умеет и смешить, если захочет. И его смех — очищающий, радующий, как тонкий ветер распыхаемых духов...

Он все может. О нем говорить надо день, два, неделю подряд, и то всего не выскажешь. Благоговею!

Целую следы ног его, где он ступает... Я изучаю теперь его «Власть тьмы». Боже! Разве есть что-нибудь лучше и совершеннее? Постройка гениальная. Так все пригнано одно к одному, так что ничего не вставишь между.

А глубина замысла? А сила языка? А живость лиц? Да что говорить!

Мировая вещь!¹

А как играют ее у нас?²

¹ Куприн отлично знал театр не только как зритель, но и как исполнитель. Когда ему было около двадцати лет, он впервые выступил на сцене в роли Макария в водевиле «Не суйся в воду, не спрося броду», поставленном во время зимних каникул в семье его товарища по юнкерскому училищу Шпаковского («Как я был актером». «Юнкера»). Затем летом 1898 г. он был актером «на выходах» в драматической труппе города Сумы. 17 января 1904 г. он специально приехал в Москву, чтобы поехать в Художественный театр на премьеру «Вишневого сада», и запиской просил Чехова «приткнуть» его куда-нибудь от верхних рядов галереи до глубин суфлерской будки. 8 февраля 1906 г. Куприн успешно исполнил роль повара в пьесе Л. Толстого «Плоды прощения». 26 апреля 1908 г. Куприн исполнил роль Ломова в «Предложении» Чехова, поставленном любителями в Житомире. Только в силу случайности он не выступил в уже подготовленной роли Хлестакова в любительской постановке «Ревизора» в Петербурге.

² «Среда, в которой я тогда играл, — говорил потом о своей деятельности в сумском театре Куприн, — была до невероятности некультурная». Негерниное отношение к низкому уровню культуры тогдашних театров оставалось у него и потом.

Вот, актеры озлились на меня и говорят, что я обидел их отзывом¹. Но что я сказал? Я сказал, что у нас нет артистов, нет талантов, а все актеры. И эти актеры не работают над делом, фиглярничают на сцене и режут сюжеты и героев. «Власть тьмы» — этому лучшее доказательство. Разве у нас есть... Никита, — настоящий живой, потрясающий? Никита, который должен душу перевернуть. И мне доводилось видеть, как выходит актер Никита и говорит свое страшное — «Не могу... Пишшит», т. е. не может задавить ребенка. Но говорит это так, что в зале смеются некоторые. Ведь это ужас! Это кощунство, это убийство и Никиты, и пьесы, и идеи, вложенной в нее. Бывали такие случаи, когда актер, игравший Акима, говорил не «таё», а «гаё», с ударением на «а».

Но что говорить! — Где мог наш актер учиться? Когда в промежутках между репетициями и спектаклями он едет обедать, по дороге разговаривает с извозчиком и слышит от него полупьяную, дикую, искверканную городом речь: «ежели, именно, таперича... и, усвоив себе эту глупую словесность с глупой дикцией, имитирует потом на сцене всю эту мудрость, думая, что дает народный тип, изображает душу русского народа. Отвратительно!.. Во мне все кипит негодованием! И после этого еще хвалят их!»

Если на всю актерскую братию придется два-три артиста с огнем дарования, то это еще не искупает вины всех. А вина их велика! У нас сцены нет. Нет изображения жизни. Нет души, нет тела даже. Не ужас ли? В кои веки русский народ дождался величайшего творения великого сына своего, и вдруг некому изобразить пьесу и потрясать ею души людей!»

Подготовил публикацию к печати и снабдил комментарием Л. ПРОКОПЕНКО.

¹ Отзыв этот пока не найден.